

Мемориальная геральдика:
коллекция дворянских гербов
в собрании Государственного
музея городской скульптуры:
альбом / сост. Ю.М. Пирютко,
А.А. Алексеев. – СПб., 2010. –
192 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Среди вещественных источников, используемых для геральдических исследований, одними из важнейших являются надгробия. Они обладают двумя несомненными достоинствами: во-первых, практически не бывают анонимными и почти всегда содержат указание на имя владельца герба, а, во-вторых, на них часто обозначены годы жизни покойного, что снимает проблему датировки.

Надгробия давно привлекли внимание геральдистов. Еще в начале XX в. профессор Московского археологического института Ю.В. Арсеньев признал за «памятниками, могильными плитами, надгробными щитами, которые вешаются в церквях-усыпальницах», статус геральдических источников и поставил при перечислении на второе по значимости место, сразу после печатей и монет¹. Выдающийся историк В.К. Лукомский с 1911 г. занимался изучением петербургского некрополя, систематически выявляя надгробия, украшенные гербами². Сделанные им зарисовки и фотографии погибли в 1942 г. в блокадном Ленинграде, и повторить эти исследования сейчас невозможно, поскольку старые кладбища подверглись массовому разорению в советский период. Однако даже то немногочисленное, что сохранилось, дает широкие возможности для реконструкции визуальной истории конкретных дворянских гербов и для анализа различных аспектов социального бытования родовой геральдики в XVIII – начале XX в.

Об источниковедческом потенциале некрополя наглядно свидетельствует недавно изданная книга «Мемориальная геральдика», в которой опубликова-

¹ Арсеньев Ю.В. Геральдика. – Ковров, 1997. – С. 121.

² См.: Лукомский В.К. Записка об архиве, коллекциях и библиотеке // Гербоведение. – Т. 1. – М., 2011. – С. 145.

ны изображения с надгробий из собрания Государственного музея городской скульптуры в Санкт-Петербурге. Его коллекция насчитывает около полутора тысяч памятников, примерно 200 украшены гербами, а рецензируемый каталог содержит 111 из них³ – те, которые показали составителям наиболее интересными в художественном или историческом отношении. До поступления в фонды музея они находились, в основном, на старейшем городском кладбище – Лазаревском в Александро-Невской лавре, а также на уничтоженных Митрофаньевском и Преображенском, в католическом костеле Усекновения главы святого Иоанна Предтечи в Царском Селе и др. Некоторые имеют длительную музейную судьбу. Как минимум два предмета – мраморные гербы графов Ефимовских и дворян Борисовых (с. 30–31, 74–75) – в 1920-е – 1930-е гг. хранились в уникальной коллекции Гербового музея, основанного В.К. Лукомским⁴.

Некоторые из представленных в каталоге памятников уже публиковались в книге «Русская мемориальная скульптура» и трехтомнике «Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры»,⁵ но качество нового издания превосходит все ранние изображения. Прекрасные цветные иллюстрации дают возможность проводить полноценный анализ иконографии гербов. В полиграфическом отношении книга «Мемориальная геральдика» относится к лучшим в отечественном гербоведении образцам и определяет тот уровень, на который должны ориентировать последующие публикации геральдических памятников.

Это единственный в российской историографии опыт воспроизведения надгробий с гербами, первый геральдический некрополь. Такая цель позволяет признать книгу гербовником, что, в свою очередь, означает ее принадлежность к чрезвычайно редкой пока в дисциплинарном информационном пространстве категории, когда в основу справочника положены не рисунки или письменные материалы, а вещественные памятники⁶. Теоретические аспекты подобного рода публикаций пока еще не разработаны, поэтому рецензируемое издание

³ При подсчетах учитывалось, что иногда на странице расположено по два рисунка и что имеется несколько брачных (сдвоенных) гербов.

⁴ В 1936 г. названные предметы были переданы из Гербового музея в дирекцию кладбищ-музеев. Туда же поступили бронзовые доски с гербами графов Стротановых и князей Трубецких (Суханова О.П. Материалы Гербового музея (обзор) // Геральдика. – Л., 1987. – С. 120). Возможно, эти памятники также публикуются в каталоге «Мемориальная геральдика» (с. 136–141, 156–157, 160–161).

⁵ Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура. – М., 1978; Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры: научный каталог / сост. А.А. Алексеев, Ю.М. Пирютко, В.В. Рытикова. – СПб., 2004–2006. – Т. 1–3.

⁶ В современном российском гербоведении к данной категории относятся всего два издания: Дружинин П.А. Русский геральдический суперэклибрис. – М., 2000; Геральдика на русском фарфоре: каталог выставки. – СПб., 2008.

представляет несомненный методический интерес и способствует развитию археографического инструментария гербоведения.

Значительная часть изображений относится к XVIII в., т.е. к периоду, когда гербы еще не подверглись унификации при внесении в «Общий гербовник дворянских родов». Благодаря каталогу становятся доступными для изучения вариативные рисунки, позволяющие реконструировать историю эмблематики конкретных семей. Например, герб с надгробия И.В. Обухова (с. 110–111) аналогичен раннему изображению, сохранившемуся в архивном деле о внесении Обуховых в дворянскую книгу Московской губернии⁷ и отличающемуся от официального.

В каталоге преобладают гербы петербургской аристократии и древнего дворянства: графов Апраксиных, князей Белосельских-Белозерских, князей Волконских, князей Вяземских, князей Гагариных, князей Голицыных, Демидовых, князей Долгоруковых, Дурново, Измайловых, князей Мещерских, Нарышкиных, Ржевских, Салтыковых, баронов и графов Строгановых, Татищевых, графов Толстых, князей Трубецких, графов Чернышевых, Чичаговых, графов Шереметевых и многих других. Следует также отметить группу надгробий грузинской элиты (около 10 памятников). Имеется некоторое количество иностранных гербов. Объекты в издании распределены в алфавитном порядке фамилий, и такое расположение наиболее оптимально, учитывая преимущественно справочную функцию книги.

Ценность каталога повышается благодаря опубликованным в нем неутвержденным и самобытным гербам русских дворянских родов (Ганнибал, Голубцовых, Селявиных, графов Сен-При, Сухозанет, князей Тархан-Моурави, графов Ушаковых, графов Ферзен, графов Ягужинских и других). Значение таких изображений для атрибуции вещественных памятников наглядно демонстрирует тот факт, что, например, появилась возможность установить принадлежность фарфоровой тарелки «с изображением родового герба под графской короной» 1830-х – 1840-х гг. из собрания Государственного Эрмитажа⁸. Идентичность ее эмблем с рисунком на надгробии графа Эммануила Павловича Ферзена (1834–1848) (с. 164) однозначно указывает на владельцев. Остается сожалеть только, что составители не опубликовали все неутвержденные гербы, имеющиеся в коллекции (судя по справочнику «Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры», их еще, как минимум, шесть: Бизюкиных, Гунаропуло, Кикиных, Маруцци, фон Рейссинг, Рибо-

⁷ Центральный исторический архив г. Москвы. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 1414.

⁸ Гереальдика на русском фарфоре. – С. 181.

пьер). Воспроизведение этих памятников ненамного увеличило объем книги, но значительно повысило бы ее источниковедческую привлекательность.

Фотография каждого предмета (на целую страницу) сопровождается подробным комментарием со сведениями о биографии покойного и его роде, описанием внешнего вида памятника, сравнительным анализом изображения на нем с версией герба из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». Однако в отдельных случаях официальные описания имеют странную, не характерную для геральдики структуру. В многочастных гербах сначала перечислены цвета всех полей, а затем – фигуры в каждом из них.

Книга заставляет еще раз вернуться к принципиальной терминологической проблеме, обретающей с каждым годом все большую актуальность для отечественного гербоведения. Популярность дисциплины в настоящее время детерминировала не всегда оправданное логически употребление понятия «геральдика». В работах стали использоваться выражения «первобытная геральдика», «военная геральдика», «нумизматическая геральдика» и название рецензируемого издания, по сути, вводит термин «мемориальная геральдика». По нашему мнению, присоединять к названию дисциплины обозначения тех разнообразных объектов, на которых изображались гербы, категорически нельзя, иначе могут возникнуть абсурдные сочетания «фарфоровая геральдика» или «мебельная геральдика». Таким образом, название «Мемориальная геральдика» следует признать неудачным.

Самым слабым разделом каталога стало предисловие. В нем рассказывается о формировании музейной коллекции надгробий, дается общий обзор памятников, на которых есть гербы, излагаются основные правила формальной геральдики (что не только полезно для неискушенного читателя, но просто необходимо для правильного понимания изображений). Весьма ценным представляется наблюдение автора вводной статьи Ю.М. Пирютко о том, что во второй половине XIX – начале XX в. количество гербов на надгробиях уменьшилось по сравнению с предыдущими периодами, и данное количественное изменение убедительно объясняется разрушением сословных границ и вытеснением родового дворянства (с. 4). В предисловии содержится также краткий очерк истории русской геральдики – весьма поверхностный и компилятивный, с ошибками и устаревшими трактовками. Определение герба, например, почему-то заимствовано из лекций Ю.В. Арсеньева, изданных в 1908 г. (с. 6), хотя есть более современные. Невозможно также согласиться с утверждением о геральдическом характере знаков Рюриковичей (с. 6), это были знаки собственности, никакого отношения к гербам не имевшие. Формулировки автора иногда не вполне четкие и понятные. Так, вызывает недоумение следующая фраза: « [...] Герб Российского государства достиг зрелой формы лишь в конце

XVII в.» (с. 6), выражение «зрелая форма» находится за гранью научного знания; не поддается также объяснению, почему рубежным событием в развитии государственной символики признается конец XVII в. О появлении двуглавого орла на Руси в 1490 г. даже не упомянуто. Неверно указаны количественные параметры Гербовника А.Т. Князева 1785 г. В нем содержится 533 дворянских герба, принадлежавших 379 фамилиям (в предисловии указано 527 и 377 соответственно; с. 7). В некоторых случаях следовало бы, быть может, уделить внимание историографии. О гербе Ганнибалов, в частности, туманно сказано, что он по-разному интерпретируется исследователями (с. 11), а изображенный на нем слон объясняется, исходя из общих представлений формальной геральдики, как символ вечности, хотя существуют работы В.К. Лукомского и Н.К. Телетовой,⁹ предлагающие более убедительные и исторически обоснованные трактовки. В книге есть 13 брачных гербов, и остается сожалеть, что не было сделано никаких перекрестных ссылок, позволивших бы легко отыскивать подобные изображения.

Указанные недостатки не снижают кардинальным образом ценность издания, поскольку задача составителей не заключалась, собственно, в детальном геральдическом изучении каждого из опубликованных памятников.

С выходом в свет «Мемориальной геральдики» отечественная историческая наука получила замечательную публикацию новых геральдических источников, которая, без сомнения, будет многократно использоваться в научных изысканиях. Учитывая существенное познавательное значение надгробий, следует признать желательным, чтобы геральдическая коллекция Государственного музея городской скульптуры в Санкт-Петербурге была воспроизведена полностью. Это может стать крупным вкладом не только в российское, но и европейское гербоведение.

О.Н. Наумов

⁹ Лукомский В.К. Печать с гербом Ганнибала, арапа Петра Великого // Русский библиофил. – 1911. – № 8. – С. 97–99; Телетова Н.К. Герб Ганнибалов // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 23. – Л., 1989. – С. 140–151.